

МЫ ВСЕ — УЧЕНИКИ СТАНИСЛАВСКОГО

С МХАТом меня связывают прочитанные книги Станиславского и Немировича-Данченко, общность взглядов и двадцать лет работы — огромный срок — в Театре имени Станиславского под руководством М. М. Яншина. Михаил Михайлович был необыкновенным педагогом, необыкновенным артистом и человеком.

Станиславский много искал, и поиск зачастую был мучителен и для него самого, и для других. И его ученик Яншин искал, порой мучительно, и мучил себя и меня, и не получалось у меня, и приходилось начинать снова, и плакал я много раз... Может быть, это и сделало меня актером.

Не сразу, но зато совершенно определенно понял я, что система Станиславского — тот стержень, вокруг которого вращается мир современного театра.

В театре и кино мне пришлось встречаться с разными актерами и режиссерами, и даже те, кто говорил: «Я из другой школы», — все равно — я-то видел — оказывались из школы Станиславского; только, наверное, знали ее не

очень хорошо. Мы все — ученики Станиславского.

Иной режиссер или актер говорит: «Я занят антилогикой поведения!» — но и Станиславский был занят антилогикой.

«Я занимаюсь гротеском!» — но и Станиславский занимался гротеском.

«Я занимаюсь недействием!» — а я думаю: «Нет, врешь, ты занимаешься действием. Как Станиславский».

Станиславский оставил нам драгоценное наследие, наша задача — уметь им пользоваться.

Вчера здесь ручка была, справа. Я за нее держался и говорил: «Маша, любовь моя!» Сегодня ручка отвалилась. Как быть? И в ручке ли дело?

Токарь может рассказать о своей работе: «Я зажимаю заготовку, снимаю резцом стружку...» А молодой актер, когда его спросишь, как он работает над ролью, дает иногда пугающий ответ: «Учу текст...» — и все. Как же так? Все-таки артист — это профессия, ее нужно знать.

Каких актеров дал МХАТ! В военные годы, мальчишкой, я был самым активным посе-

тителем Художественного театра. Я видел все спектакли того времени. Мне кажется, что все мои восторги, все потрясения, связанные с искусством, относятся к МХАТу.

Спектакли о Ленине... «На дне» с Качаловым и Москвиным, «Три сестры», «Горячее сердце», позже — «Школа злободневия» с Яншиным и Андровской — сколько бы раз ни смотрел я эти спектакли, впечатление оставалось тем же самым: ошеломляющим.

Когда-то Яншин организовал в театре чтение очень интересных стенограмм репетиции в оперно-драматической студии Станиславского. Я помню, как одна актриса воскликнула: «Это издевательство над актером, и больше ничего!» Яншин тогда промолчал, а из актрисы так ничего и не получилось. Может, не получилось потому, что она не поняла главного: труд артиста, учил Станиславский, — труд тяжелый, ежедневный, ежеминутный, каждодневный поиск нового.

Работа современного актера, занятого в театре и кино, оставляет мало свободного времени, поэтому на «чужих» спектаклях приходится бывать довольно редко. Не так давно я видел во МХАТе «Старый Новый год». Спектакль мне понравился, и я, откровенно говоря, был рад сегодняшнему успеху товарищей...

Евгений ЛЕОНОВ,
народный артист СССР,
лауреат
Государственной премии

«Лит. газета» 1978, 27 дек